

Анализ по Фрейду

Феномен Эйнштейна

Олег Акимов

Начни с Фрейда, чтобы лучше понять Эйнштейна

Фрейд воспел все самое низменное в человеке, а полусумасшедшая часть человечества, свихнувшаяся на сексуальности, подняла его учение на высший академический пьедестал, назвав психоанализ — этот средневековый прием изгнания бесов — самым большим достижением естествознания. Другой вершиной науки она объявила релятивистскую физику Эйнштейна. Оба названных деятеля XX века вошли в культурно-исторический резонанс и дали тот удивительный эпистемологический эффект, который в считанные годы заглушил все маломальские ростки конструктивного знания, культивирующиеся со времен открытия Колумбом Америки и изобретения Гуттенбергом книгопечатания.

Поэтому прежде чем приступать к изучению биографии Альберта Эйнштейна, мы настоятельно рекомендуем внимательно ознакомиться с биографией Зигмунда Фрейда, которая довольно полно представлена на сайте Sceptic-Ratio. Поведение этих двух монстров ученого мира во многом схоже, однако мы располагаем гораздо большей информацией в отношении Фрейда, чем Эйнштейна. Стоящая перед нами задача лежит преимущественно в плоскости психологии. Отец-основатель психоанализа, как и отец-основатель теории относительности, тщательно скрывал все сведения, касающиеся его жизни и неблагоприятных поступков в отношении науки. Тем не менее, первый из них оставил после себя две книги, «Исследование истерии» и «Толкование сновидений», позволившие нам более или менее точно раскрыть основную тайну его учения.

Из тщательного анализа текста названных книг вытекает, что так называемый *метод свободных ассоциаций* (о нём подробно читайте [здесь](#)), откровенного разговора и интерпретации сновидений или случайных оговорок и поступков Фрейд впервые отработал на подруге своей будущей жены и своей первой возлюбленной, *Берте Паппенхейм*. От неумелого лечения и экспериментов с морфином врач-психотерапевт чуть было не отправил на тот свет бедную девушку. Но впоследствии Фрейд начал внушать окружающим ложную мысль, будто первая пациентка вылечилась с помощью некой *психоаналитической* методики. И сделал это не он, прозорливый психоаналитик (на самом деле, студент-недоучка), и даже не его опытный наставник, Йозеф Брейер, а она сама, несчастная истеричка. По мнению историков современной психологии, «величайшая заслуга» Фрейда, состоит в том, что родоначальник психоанализа своим гениальным умом уловил скрытую сексуальную подоплеку успешного выздоровления душевнобольной. Он обобщил богатую медицинскую практику и подвел мощную теоретическую базу под ее многолетнее лечение, что одновременно послужило прочным фундаментом для развития всей современной психиатрии.

Это, разумеется, не так. У Фрейда в «Исследовании истерии» Берта фигурирует под именем Анна О. (см. [Случай фрейлейн Анна О.](#)), а в [Толковании сновидений](#) она скрывается под именем Ирмы. В работах [Сущность фрейлейдизма](#), [Как возник психоанализ](#) и [Правда о Фрейде и психоанализе](#) показано, что никакого лечения в отношении Анны О. или Ирмы проведено не было. Напротив, врач-дилетант впрыскивал ей в вену наркотик, а затем пытался у нее нужные признания. Фрейдовские мучения закончились привыканием к наркотику и полным расстройством психики Берты. Брейер и другие врачи едва спасли ее от неминуемой гибели. Несмотря на все это «Исследование истерии» и «Толкование сновидений» по сей день считаются главными учебниками по психоанализу. Многие преподаватели

психологических факультетов, а тем более студенты и несчастные больные, обратившиеся к врачам-психоаналитикам, даже не подозревают, что имеют дело с откровенным надувательством, вредной психотерапией, придуманной величайшим мошенником XX века. В [Правде о Фрейде и психоанализе](#) дается расшифровка главного сновидения Ирмы, из которого мы узнаем правду о методе «лечения» его возлюбленной. Очень важной для понимания существа дела является работа [Как возник психоанализ](#), особенно ее заключительная часть. Там показано, какими бессовестными фальсификациями занимался родоначальник психоанализа, чтобы прославиться.

Аналогичный обман имел место не только в сфере психологии, но и в сфере физики. Таковы уж были нравы ушедшего столетия. Механизм обмана больших групп населения функционирует по единому закону. Если вы как следует изучите его действие на одном примере, вам будет проще разобраться в другом. Нужно помнить, что все мошенники в сходных ситуациях ведут себя сходным образом. Законы психологии столь же неумолимы, как и законы физики. Как уже говорилось, Альберт Эйнштейн, как и Зигмунд Фрейд, скрыл от общественности истинные события своей биографии — это явный признак авантюристического характера. Нечистоплотность в повседневной жизни приводит к недобросовестности в сфере научной деятельности. Честный человек — честен во всем, а склонный к обману не станет терзать себя поисками истины. Скорее всего, он постарается свои легковесные фантазии выдать за итог глубоких раздумий.

Фрейд познакомился с Эйнштейном и его второй женой Эльзой во время рождественских праздников 2 января 1927 года, когда он со своей супругой, детьми и внуками находился в Берлине, но собирался вот-вот отбыть к себе на родину, в Вену. Прославленный врач-психотерапевт к этому времени был уже безнадежно болен раком нёба, от которого он, в конце концов, в 1939 году, и умер. Боль и протез верхней части рта не позволяли ему разговаривать; общению мешала также глухота на правое ухо, поэтому говорил Эйнштейн, а он только слушал. После их личного знакомства они потом долгое время переписывались и совместно участвовали в различных политических акциях. «Эйнштейн читал также, — вспоминал Томас Баки, — книгу Фрейда об анализе снов и глава за главой обсуждал прочитанное. Он был заинтересован и увлечен [книгой]» [1, с. 467].

В письме от 21 апреля 1936 года он писал Фрейду в связи с его 80-летием: «... До недавнего времени я мог лишь в общих чертах постигать спекулятивную мощь цепочки ваших мыслей со всем их огромным влиянием на мировоззрение нынешней эпохи, не будучи в состоянии сформировать определенное мнение о том, какая доля истинны в них содержится. Недавно, однако, я имел возможность слышать о нескольких случаях,

которые сами по себе не слишком важны, но по моему суждению, исключают любую другую интерпретацию, кроме той, что дает ваша теория вытеснения в подсознание. Я был восхищен, столкнувшись с ними, поскольку всегда испытываешь восторг, когда большая и красивая концепция оказывается совместимой с реальностью».

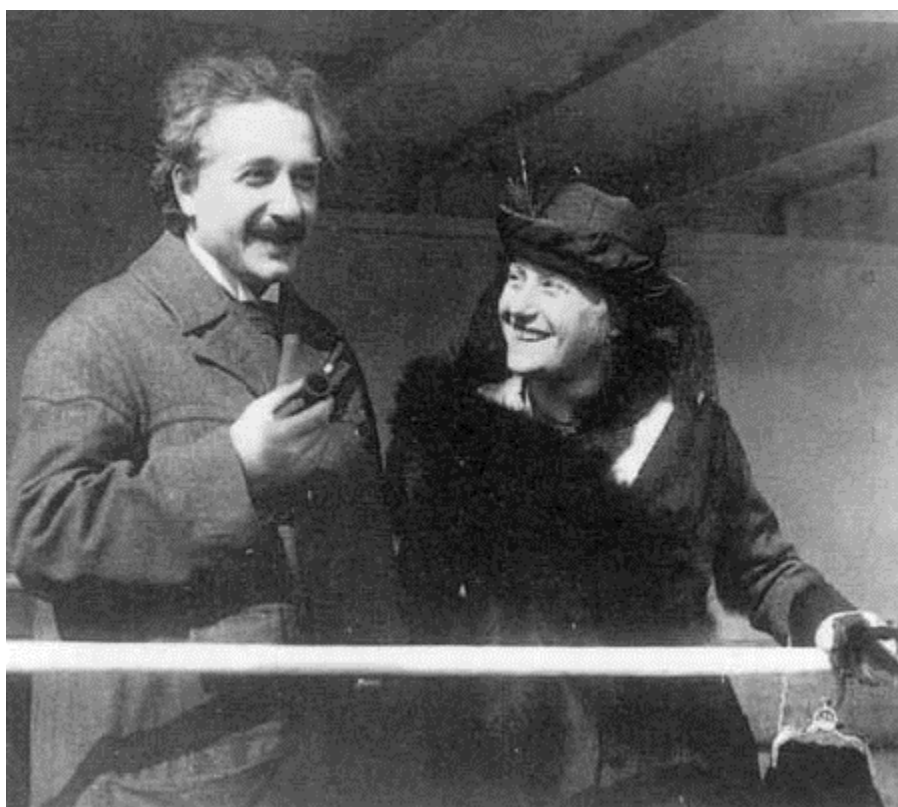

Как и все шизотимические (по Кречмеру) натуры, Фрейд почти не улыбался и не смеялся. Перед тем как сделать фотоснимок он просил фотографа дать ему время на сосредоточение, чтобы придать выражению лица не столь угрюмый вид. Однако дурное расположение духа он не умел скрывать.

В ответном послании от 3 мая Фрейд писал: «Должен сообщить вам, что я действительно был очень доволен услышать об изменениях в ваших суждениях — или, по крайней мере, о начале таковых. Я всегда знал, что вы "восхищаетесь" мною только из вежливости и очень слабо верите в любую из моих доктрин, хотя часто задавался вопросом, чем в них тогда восхищаться, если они неверны, то есть если они не содержат в себе серьезной порции истины. Между прочим, разве вы не думаете, что ко мне относились бы гораздо лучше, если бы в моих доктринах содержался больший процент ошибок и безумия? Вы настолько моложе меня, и я все еще надеюсь причислить вас к кругу моих "последователей" к тому времени, когда вы достигнете моего возраста. Поскольку я не

буду знать об этом, то ожидаю соответствующего вознаграждения сейчас» [1, с. 467 — 468].

Фрейд завидовал физику, называя его «счастливчиком», так как считал, что тот «жил в намного более легкие времена», «располагал поддержкой длинного ряда предшественников от Ньютона и далее», а вот он «должен был в одиночку прорубать каждый шаг пути через дебри джунглей», оттого он будто бы и «не смог зайти столь далеко» [1, с. 258]. Это, разумеется, ложное представление, они оба «зашли слишком далеко», нанесли примерно одинаково огромный вред естествознанию, хотя в то время истинные масштабы их «достижений» были еще не видны. Добавим также, что у Эйнштейна имелись предшественники, Ньютон не в последнюю очередь (о нем надо говорить отдельно).

Альберт Эйнштейн и его вторая жена Эльза Лёвенталь плывут на корабле в США, 1921.

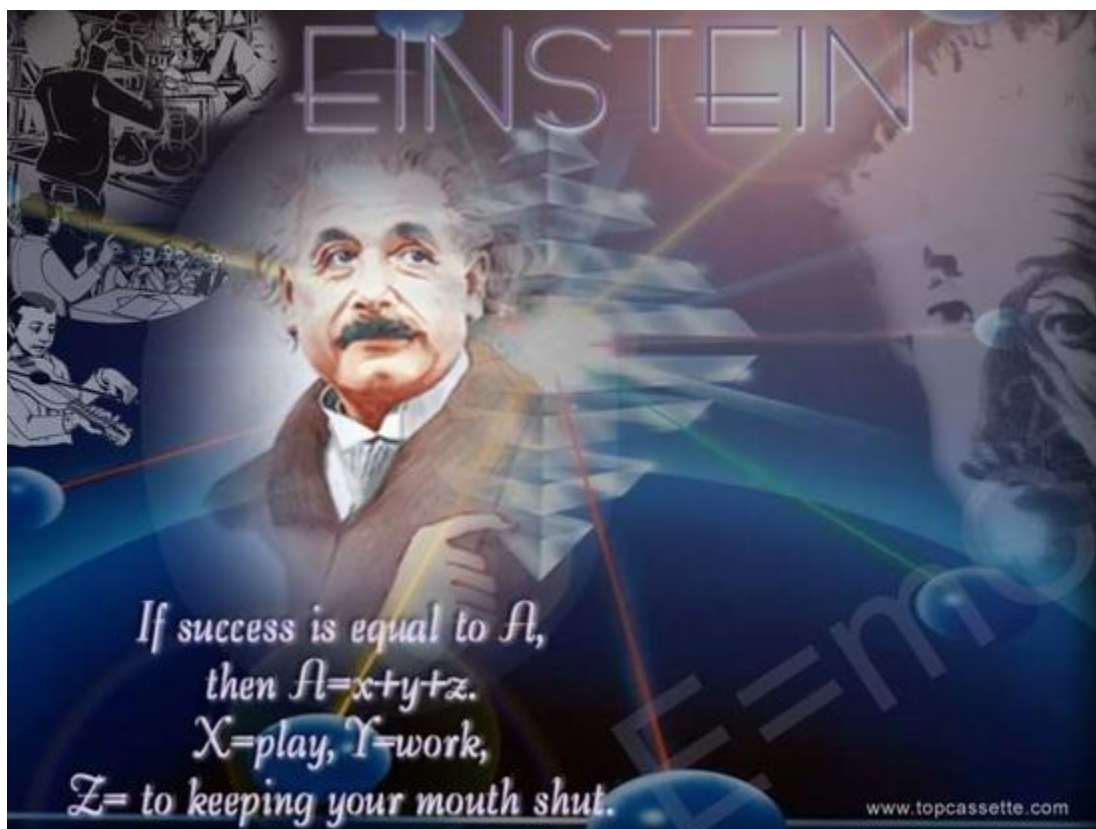
Фрейд чувствовал зависть к Эйнштейну еще и потому, что тот якобы работал в редко кому доступной области науки: «... Вы имеете возможность работать в сфере математической физики, а не психологии, где каждый думает, будто ему есть что сказать» [1, с. 259 — 260]. Эта жалоба также не справедлива, так как толпа невежд болтала о теории относительности с таким же иступленным жаром, как и о психоанализе. Обе теории удивительным образом притягивали шизотимиков — бездарных в научном отношении людей, но мнящих о себе бог знает что. В целом, психоаналитик высоко оценил личные качества физика, назвав его «веселым, уверенным в себе и милым», а также «весьма приятным» человеком. Эти слова можно расценить и как элементарную формулу вежливости и как сознательную установку: ворон ворону глаз не выклюет. Рейнштинштейн рассказывал о посещении как-то Эйнштейном лекции по психоанализу, которая его не слишком заинтересовала. Беседуя с лектором в кафе после его лекции, Эйнштейна «куда больше интересовали прекрасные глаза» двух сестер «редкой красоты и обаяния», которые тоже присутствовали в кафе, чем проблемы психоанализа [2, с. 175].

Зигмунд Фрейд:
"Я зол на всё человечество".

В публичных беседах с друзьями-врачами Эйнштейн всячески восхищался психотерапевтическими успехами Фрейда, но за глаза, в частности, в разговорах с младшим сыном, говорил о несостоятельности методов психоанализа, их некорректности в научном плане. Однажды в полушутливой форме он сказал ему, что лично предпочитал бы «оставаться во тьме того, что не проанализировано». Эти слова как нельзя лучше характеризуют жизненную позицию мошенника, которой неуклонно придерживался Эйнштейн. Его секретарша Элен Дюкас и управляющий по дому Отто Натан тоже прекрасно усвоили жизненное кредо своего шефа и сделали все, чтобы скрыть на долгие годы от объективного анализа илистое дно заболоченной биографии знаменитого физика.

В тридцатой главе под названием «О тех, кому Эйнштейн предлагал присудить Нобелевскую премию» Абрахам Пайс привел аргументацию Эйнштейна, почему он был против присуждения Фрейду этой престижной награды. «При всем моем восхищении гениальными достижениями Фрейда, — писал Эйнштейн в феврале 1928 г., — я не могу участвовать в этом деле [т.е. в кампании по присуждению Фрейду "Нобеля", организованной Генрихом Менгом и Стефаном Цвейгом]. В отношении степени истинности учения Фрейда я и сам не могу прийти к определенному мнению, не говоря уже о том, чтобы выносить суждение, которое может повлиять на других» [3, с. 485].

На рисунке приведена эйнштейновская формула успеха, гласящая, что успех складывается из работы, игры и умения держать язык за зубами. Художник, видимо, не подозревал, каким аморальным человеком он представил здесь Эйнштейна (рисунок взят с сайта www.topcassette.com).

Эйнштейн и Фрейд участвовали во многих политических акциях, в частности, связанных с образованием государства Израиль, и можно было ожидать, что между ними не существовало неприязненных отношений. Однако это не так. Эйнштейн хорошо чувствовал, чего стоят фантазии Фрейда, касательно толкования снов, и прочее его теоретизирование на почве бессознательной психики, поэтому он не мог согласиться поставить его имя на одну доску со своим. Но больной шизофренией сын Эйнштейна, напротив, проявил огромный интерес к психоанализу. Фрейда он считал одним из «величайших гениев человечества»; у себя над кроватью он повесил его портрет.

Вопреки отговору отца он серьезно занялся психиатрией, для чего в 1929 году поступил в Цюрихский университет на медицинское отделение, где когда-то училась его мать, Милева Марич. Однако заинтересовался он психологической тематикой намного раньше, когда ему было примерно лет пятнадцать. Уже тогда он выступал перед своими сверстниками с докладами по теории Зигмунда Фрейда. «Однажды во время похода, — вспоминал потом один из этих сверстников, — Эдуард начал рассказывать нам о природе шизофрении. Подозревал ли он уже тогда, что ему угрожает именно эта опасность? Если так, то это ужасно» [2, с. 304].

Альберт Эйнштейн и его первая жена Ммилева Марич,
фото 1910 года.

По словам старшего сына, Ганса Альберта, Эйнштейн советовался по поводу болезни Эдуарда с самим Зигмундом Фрейдом. Известно, что когда Эдуарда начал одолевать душевный недуг, он вполне серьезно попросил отца проанализировать его по методики Фрейда, сын которого, Оливер, кстати, тоже болел шизофренией. Отец быстро согласился, но только предупредил, чтобы тот детально посвятил его в секреты психоанализа. Сначала сын искренне поверил отцу, но потом, по его издевательской шутке: мол, во время психотерапевтического сеанса он не будет «хихикать», сын догадался, что отец над ним смеялся, как это он часто делал. Эдуард прошел курс психотерапии у профессиональных врачей, но результаты анализа ничего не дали: болезнь продолжала развиваться по своим внутренним законам бешеным темпом.

Сыновья Эйнштейна:
Эдуард (слева) и Ганс-Альберт (справа),
фото 1911 года.

Эйнштейн подшучивал также и над своим самым близким другом, Мишелем Бессо, который в 20-х годах тоже прошел курс психотерапевтического лечения в связи с потерей

веры в свои профессиональные способности. Он с завистью смотрел на Эйнштейна и недоумевал, почему его друг во всех отношениях равный и даже уступающий в интеллектуальных способностях, добился такого успеха. Проблема состоит, по-видимому, в потере уверенности, которую Бессо хотел наверстать. Впрочем, подвергнуть себя, хотя бы раз в жизни, психоанализу было делом обычным, настолько велика была мода на фрейдизм, как панацею от всех жизненных невзгод. Особенно популярным он сделался после Второй мировой войны, когда, например, все актеры Голливуда имели своего личного врача-психоаналитика.

Милва Марич с сыновьями: Эдуард (слева), Ганс-Альберт (справа), фото 1914 года.

Сыну Эйнштейна, Эдуарду, не суждено было стать врачом-психиатром, так как он сам сделался пациентом врачей-психиатров. Болезнь была спровоцирована, как считал отец и близкие ему люди, неразделенной любовью. В университете он влюбился в студентку старшего курса медицинского факультета, которая была к тому же, похоже, замужем. Отец, наблюдая издали за мучениями сына, в письмах пытался успокоить его: «Увлечаться противоположным полом приятно и полезно, но для мужчины это не должно быть одним из главных в жизни занятий» [2, с. 305]. Он советовал ему срочно найти себе занятие; «даже для такого гения как Шопенгауэр», говорил отец, безделье было губительным. По поводу душевного недуга, он успокаивал Эдуарда таким аргументом: «... Если ты сумеешь справиться со своим состоянием, у тебя будет возможность стать хорошим врачом душ» [2, с. 305].

Эйнштейн с сыновьями: Эдуард (справа), Ганс-Альберт (слева).

Брайен в этом месте почти в слово в слово вторит Картеру и Хайфилду, только добавляет: «Он [Эйнштейн], однако не давал Эдуарду совет отказываться от женщин, предлагая вместо этого связаться скорее с женщиной-игрушкой, нежели с коварной "хитрушкой"» [1, с. 319]. Этот достаточно циничный совет мог оскорбить высокие чувства влюбленного и страдающего от этого сына. Но подобные рекомендации отец давал и старшему сыну. Когда у того были проблемы на амурной почве, отец посчитал, что ему попросту надо найти опытную в сексуальном отношении женщину и тогда все проблемы на ниве любви автоматически снимутся. Однако нас дальше будет интересовать не старший сын, Ганс Альберт, судьба которого сложилась вполне благополучно, а младший, личность которого есть несколько искаженное отражение личности самого Альберта Эйнштейна.

Милева Марич (сидит) с сыновьями: Эдуард (справа), Ганс-Альберт (слева).

Эдуард родился в 1910 году, а умер в 1965 году в Цюрихской психиатрической больнице. Большую часть своей жизни он, брошенный отцом и родными, провел в психиатрических лечебницах. Шизофрения приняла у него тяжелую форму, так что он постоянно нуждался в присмотре; стоило ему отойти от дома или лечебницы на несколько шагов в сторону, как он тут же терял ориентацию и назад без посторонней помощи уже не в силах был добраться. Внешне Эдуард был похож на мать, но психологически, по характеру он ближе был к отцу, о чем Эйнштейн писал в 1926 году в письме к своей первой жене Милеве Марити. Картер и Хайфилд пишут, что «искру Божью» из двух сыновей «унаследовал от Эйнштейна именно Эдуард» [2, с. 299]. Однако шизофрению он все же, похоже, «подхватил» от матери, так как младшая сестра Милевы, Зорка тоже

страдала этой болезнью. В роду Эйнштейна до рождения Эдуарда шизофреников, кажется, не было (к теме отношений отца и младшего сына мы вернемся в пятой главе).

У Эйнштейна был помощник Хопф, интересовавшийся психоанализом гораздо в большей степени, чем он сам. Осенью 1910 года Хопф устроил встречу своего патрона с Карлом Юнгом. «За первой встречей, — пишет Дэнис Брайен, — состоялось еще несколько, обычно — во время званных обедов. Юнг "испытал трудности в прослеживании хода его мыслей", но был под впечатлением "простоты и цельности его блестящих мыслительных способностей"» [1, с. 128]. Впоследствии Юнг в письме к своему другу встречи с Эйнштейном прокомментировал довольно своеобразно: «Пока ты имеешь дело с физической стороной мира, можешь запросто сказать все что угодно, если оно является более или менее доказуемым, не опасаясь быть обвиненным в ненаучности; но если ты касаешься психологической проблемы, то мелкие людишки, которых немало и в науке, начинают сходить с ума» [1, с. 129]. Может быть, в разряд «мелких людишек» был зачислен и Эйнштейн, в те годы еще малоизвестный физик. Впрочем, и молодого психиатра, который немногим был старше физика, тоже тогда мало кто знал. Другое дело Зигмунд Фрейд, который, как говорится, Эйнштейну в отцы годился.

С юношеских лет Фрейд мечтал о собственном памятнике;
в конце жизни его мечта сбылась.

Для основателя современной физики, как и для основателей современной психиатрии, главной персоной наиважнейших личных и научных событий была женщина, в которую никому неизвестный студент поначалу без памяти влюбился. Аналогично случаю с Бертой Паппенхейм или Сабини Шпильрейн, трудные и запутанные обстоятельства жизни несчастной женщины, Милевы Марич, позволили «величайшему ученому мира» беззастенчиво обманывать общественность. Такое сродство, а главное, одна и та же эпоха величайших социальных катаклизмов, объединяет феномены Юнга, Фрейда и Эйнштейна в одну психологическую группу, в которую попало немало других авантюристов XX века, включая Гитлера, Сталина и Мао Цзэдуна. Разумеется, во всех этих случаях нашлись многочисленные восторженные приверженцы спекулятивных учений, что порождает сходство не только на психологическом уровне, но и социальном. Подобные явления проходили в науке, искусстве, политике — в общем, во всей многообразной духовных проявлений, характерных для эпохи непомерного возвеличивания лидеров, чего уже нет в наше время.

Последователи Эйнштейна объявили релятивистские выдумки последним достижением физики. Краснобаи-популяризаторы рисовали обывателям картины путешествия во

времени и удивительного переноса космического путешественника из одного физического мира в другой посредством сообщающихся черных дыр. Теперь, говорили эти вруны, вы можете забыть о классической физике, насчитывающей более двух тысяч лет, как о чём-то безнадежно устаревшем. С появлением теории относительности перед нами открылись совершенно немыслимые перспективы. Ясно, что все эти романтические разговоры по тональности сильно напоминают утопические картины «светлого будущего человечества», разрисованные большевиками, или национал патриотические сказки, рассказанные идеологами Третьего рейха. Если приверженцы сталинской и гитлеровской идеологий когда-то уничтожали «неполноценных» людей физически, то приверженцы фрейдистской и релятивистской идеологий всё ещё продолжают уничтожать «неполноценных» ученых морально.

Вот уже прошло сто лет, как свершилась «Великая научная революция». Политические фантазии коммунистов и фашистов давно развенчаны, однако релятивистские предрассудки до сих пор не выветрились из голов академического бомонда. Причем эти мифы крепче всего сидят в мозгах правящей верхушки, сосредоточенной в главнейших институтах науки, например, в ФИАНе, в элитных учебных заведениях (МГУ и МФТИ). Студенты московских вузов мыслят более спекулятивно по сравнению со своими сверстниками из вузов Сибири и Дальнего Востока, в которых нередко занимаются по антирелятивистским учебникам. Особенно невменяемыми выглядят отличники учебы, приученные мыслить исключительно формальным способом по лекалу своих уважаемых учителей — В.Л. Гинзбурга, В.П. Визгина, А.В. Кессениха и других ископаемых. Научившись у В.А. Рубакова и ему подобных ловкачей манипуляциям в сфере математики, они, очевидно, думают, что в этих фокусах заключен весь смысл физики.

Релятивисты не в состоянии мыслить конструктивно. К этому добавьте бесчисленные препоны, которые они чинят конструктивистам, пытающимся строить вихревые и прочие пространственно-механические модели мировой среды и элементарных возбуждений.

Стараниями неумных апологетов учения Эйнштейна развитие классической физики сдерживается уже в течение века. Кто знает, возможно, с ним произойдет то же самое, что однажды уже случилось с учением Аристотеля, то есть пройдет еще тысяча лет, прежде чем все мы освободимся от схоластической физики. От такой печальной перспективы никто не застрахован, ведь сегодняшние схоласты требуют от всякой будущей теории, затрагивающей электромагнитные явления, полного согласия с постулатами теории относительности. Как долго будет существовать это гибельное для науки табу, не знает никто.

Некоторые релятивисты готовы согласиться с утверждением, что в основе зарождения теории относительности лежала неважная философия. В частности, они признают недостатки позитивизма Маха, Авенариуса и Пуанкаре, сыгравшего основополагающую роль в момент становления релятивистской догмы. «Однако, — говорят они, — какое нам дело до философских воззрений столетней давности. Важно, что Эйнштейн дал миру толчок для развития сначала специальной, потом общей теории относительности, а теперь уже и всей современной космогонии. Разве можно сомневаться в истинности нынешней картины мира, этого великолепнейшего творения человеческого разума (релятивисты любят выражаться высоким стилем)?»

«Можно и нужно!», — отвечаем мы. Цель данной работы как раз и состоит в том, чтобы рассказать нынешней молодежи о той большой беде, которая случилась с физикой в начале XX века. Без конструктивной критики романтических утопий наука не в состоянии развиваться нормально. Классическая механика не ограничивается всемирным законом тяготения. Мы абсолютно не понимаем, например, по каким законам

двигаются тела в кольце Сатурна. Надо уточнять и дальше развивать динамику, не смешивая ее с электродинамикой, как это делают искатели единого поля. Если нынешние исследователи поймут ошибки зарождения релятивизма, то можно надеяться, что они сами или их последователи осознают ложность развития физической науки в целом. Приступая к изучению этого затяжного кризиса, связанного с именем Альберта Эйнштейна, мы начинаем не с личности отца-основателя, а с личности его первой жены, которая, подобно Берте Паппенхейм, послужила той скрытой причиной, вдохновившей на «великий подвиг» главного виновника преступления в сфере науки.

Личность и учения Зигмунда Фрейда сыграли заметную роль в семье Эйнштейнов. Это отмечают и авторы книги «Триумф и драма Альберта Эйнштейна», которая цитировалась в предыдущем разделе. «Ему было трудно с Фрейдом, — пишут Феофанов и Пилат. — Фрейд обладал могучим [?], может быть, слегка мрачноватым [?] чувством юмора, а уж уверенности в своей правоте у него было никак не меньше, чем у Эйнштейна, он тоже был из породы уверенных [?] И еще Зигмунд Фрейд, будучи уже очень старым человеком, позволял себе иронизировать в глаза гестаповцам [в 1927 году Фрейд плохо слышал и не мог говорить из-за рака нёба, так что он вряд ли мог "иронизировать в глаза гестаповцам"] Он вообще был ироничен [?] А Эйнштейн? Юмор его был мягок и добродушен [?], и он чем-то походил на бюргера [?], но иронии не переносил. Ирония вызывает боль [?], а он не любил боли [кто ее любит?]]» [4, с. 149].

Здесь и ниже я поставил вопросительные знаки возле фраз, вызывающих у меня сомнения. Далее наши эрудированные авторы сообщили известный исторический факт, рассказанный Абрахамом Пайсом, что Эйнштейн в 1928 году не поддержал кандидатуру Зигмунда Фрейда на присуждение тому Нобелевской премии. В этом Феофанов и Пилат усмотрели величайшую «драму». «С друзьями так не поступают, — пишут они с нескрываемым чувством обиды. — Эйнштейн был в зените славы и не мог не понимать, что означает для Нобелевского комитета его рекомендация. А отказ фактически отлучал Фрейда от премии. Он отказал... Но что могло вызвать такую реакцию мягкого и доброжелательного [?] Эйнштейна? Нам остается только гадать. Скорее всего, в этом был виноват ироничный язык [?] Фрейда, чем-то похожего на Мефистофеля [?]. Слишком сильно несло от него Адом [?], и Эйнштейн чувствовал этот запах [?]. И еще он был проницателен [?] как Мефистофель или как Ламброзо и не всегда скрывал свои находки [?]. Он мог сказать Эйнштейну нечто неприятное все равно в каком плане — в сексуальном или в житейском [?]. И Эйнштейн тотчас же замкнулся [?], забрался в свою раковину [?]... » [4, с. 150 — 151].

Паранойя продолжается, но если бред Феофанова и Пилата, а также книгу Гарднера «Теория относительности для миллионов» и еще две-три подобных книжки прочтут неподготовленные ко лжи школьники и студенты, то они, пожалуй, примут Эйнштейна за совершенно-мудрого небожителя, превосходящего китайского мандарина по имени Баоси (о нем говорилось в предыдущем подразделе). Мощь этого оболванивания мне довелось испытать на собственной шкуре.

Учась в школе, я покупал и читал все книжки по теории относительности и ее творце. Больших трудов мне стоило отделаться от гипноза, который наводили на меня Гарднер, Лоуренс и другие баснописцы эпохи моей юности. Однако они никогда не говорили о Фрейде, так как понимали, что этот человек не относится к рационально мыслящим ученым. Теперешние же совратители молодых умов, не стесняясь, апеллируют к опыту этого авантюриста. Больше того, они открыто связывают релятивизм с мистицизмом. Эйнштейн тоже занимался спекуляциями, но не в столь откровенной мистической форме,

как это представили Феофанов и Пилат. Он умел вполне разумно писать и его релятивистская концепция местами содержит логически осмысленные вещи.

Однако психоанализ вошел в повседневную жизнь родоначальника релятивизма не случайно. Шизофренические флюиды в виде формально-феноменологических доктрин и непомерно раздутых легенд о сверхъестественной гениальности творцов сумасбродных теорий концентрируются там, где присутствует огромное количество шизотимиков. Эйнштейн, гораздо в большей степени, чем Фрейд, был погружен в атмосферу невменяемости. До тех пор, пока золотая статуя гения возвышается над страной, именуемой «Физикой», тысячи ученых будут мнить себя самыми счастливыми людьми планеты, каковыми считают себя жители нищенской Северной Кореи, питающиеся супом, сваренным из придорожной лебеды.

Механизмы генезиса и экспансии релятивизма ничем особенным не отличаются от аналогичных процессов зарождения и распространения, скажем, фашизма и коммунизма. Вожди, вроде Гитлера или Сталина, не оставили бы столь кровавого следа в истории, если бы не их приспешники, которые практически полностью слились с личиной этих злодеев. Мультипликация усилий происходит за счет выстраивания авторитарной вертикали власти: при Гитлере и Сталине эта вертикаль более жесткая, так что от нее зависит жизнь миллионов граждан. В мире науки все смягчено: от учений Фрейда и Эйнштейна люди, естественно, не гибнут на полях сражений, в тюрьмах и лагерях, однако их научная карьера все же во многом определяется симпатиями и антипатиями ортодоксальных фрейдистов и релятивистов. Сегодня, спустя много лет после Гитлера и Сталина, Фрейда и Эйнштейна ситуация в стране и мире радикальным образом изменилась.

С мифотворчеством Фрейда мы, к счастью, разобрались, хотя в отношении фрейдизма насочиняли столько небылиц из области трансцендентного естествознания, что нам всем не выкарабкаться из этой ямы еще в течение многих десятилетий. Теперь предстоит разобраться с Эйнштейном. Вы, конечно, догадываетесь, что для вселенского возвышения того или иного индивидуума требуются совершенно иные качества ума, чем его способности, связанные с научным предвидением. На примере Фрейда уже было выяснено, что толпе, состоящей из многих миллионов феофановых и пилатов, нужно чем-то угодить, им надо понравиться, без игры, обольщения и обмана этого многоголового Левиафана здесь не обойтись. В ответ на невинную шалость своего славного отпрыска коллективное бессознательное Левиафана сочинит красивую легенду, раструбит по всему миру небылицу, какой у Божественного Эйнштейна был всезнающий и быстрый ум.

Первое, с чем сталкивается читатель, который решил разобраться в релятивистских истоках, это все же достаточно привлекательная форма и искусственно созданная «чистота помыслов» богочеловека. Харизматический образ Эйнштейна проглядывает на многих его фотографиях. Я сам, признаться, долго находился под гипнотическим взором его глаз. Мотивы тех, кто в недавнем прошлом вывешивал его портреты в кабинетах и спальнях, мне понятен. Самая большая психологическая тайна скрыта в магнетизме его души. Аналогичным притягательным ореолом обладали и наши прославленные психоаналитики — Зигмунд Фрейд и Карл Юнг. Поэтому читатель должен отдавать себе отчет в том, что многие выводы предпринятого нами исследования строятся не на основе каких-то письменных документов, а в первую очередь на основе психологической модели плутовской личности Эйнштейна. Именно поэтому мы требуем от читателя определенной психологической подготовки, которую он может приобрести, изучив жульническую личность Фрейда.

Отношения между Эйнштейном и Фрейдом были пропитаны фальшью. Их частная переписка заполнена пустыми комплиментами и ничего незначащими рассуждениями на мнимоважные темы. Лишь не очень умным людям может показаться, что они решали какие-то глобальные проблемы человечества. Чтобы это мое обвинение не выглядело голословным, хочу более подробно рассмотреть их совместный проект под названием «Зачем воевать?» Этот небольшой труд представляет собой два открытых письма Эйнштейна и Фрейда, отличающиеся своей искусственностью и претенциозностью. Однако, прежде чем обратиться непосредственно к тексту, сообщим некоторую предварительную информацию.

Во время Первой мировой войны Альберт Эйнштейн и Георг Николаи опубликовали «Обращение к европейцам» и создали «Союз нового отечества», посредством которых пытались приковать внимание мировой общественности на губительность войны — чем бы ее не оправдывали политики. Тогда к их антимилитаристским акциям присоединился Ромен Роллан, но в целом усилия трех интеллектуалов оказались напрасными и абсолютно не повлияли на ход истории (об этом более подробно рассказывается в четвертой главе). И вот перед растущей угрозой Второй мировой войны Лига Наций, предшественница ООН, обратилась к Альберту Эйнштейну, как наиболее авторитетному ученому мира, с просьбой написать работу на актуальную тему. Он, естественно, выбрал ту, которую от него ждали больше всего, — защиту мира от угрозы войны. Для ее раскрытия физик-теоретик призвал себе в помощники врача-психотерапевта.

«Дорогой профессор Фрейд! — пишет Эйнштейн своему визави. — Предложение Лиги Наций и ее Международного института интеллектуальной кооперации в Париже, состоящее в том, чтобы я пригласил человека, по моему выбору, для искреннего обмена мнениями по любой из проблем, которая меня интересует, дает мне прекрасную возможность обсудить с Вами вопрос, на мой взгляд, наиболее неотложный среди всех других, стоящих перед лицом цивилизации. Эта проблема формулируется так: *существует ли для человечества путь, позволяющий избежать опасности войны?*» [5].

Предложение Эйнштейна выглядит провокационно. Фрейд оказался в трудном положении, что чувствуется и по его ответу: «Дорогой г-н Эйнштейн! ... вопрос, который Вы адресовали мне... оказался для меня сюрпризом. Кроме того, я был буквально ошеломлен мыслью о *моей* (чуть было не написал — *нашей*) некомпетентности; для ответа мне надо было бы стать чем-то вроде практического политика, сравнившись в образовании с государственным мужем... Формулируя в своем письме постановку задачи, Вы отбираете ветер у моих парусов!» [5].

Выражение «нашей некомпетентности» здесь, конечно, подходит больше, так как Эйнштейн в своем приглашении к «искреннему обмену мнениями» признался: «Что касается меня, то привычная объектность моих мыслей не позволяет мне проникнуть в темные пространства человеческой воли и чувств. Поэтому в исследовании предложенного вопроса я могу сделать не более чем *попытку постановки задачи*, для того чтобы создать почву для применения Ваших обширных знаний о людских инстинктах в борьбе с этой проблемой. Существуют психологические барьеры, о существовании которых люди, не посвященные в науку о мышлении, лишь смутно подозревают. Взаимодействие и капризы ментальных хитросплетений делают их неспособными измерить глубину собственной некомпетентности; убежден, однако, что Вы способны предложить методы из области *воспитания и образования*, т. е. лежащие более или менее вне сферы политики, которые позволят преодолеть это препятствие» [5].

Как видим, Эйнштейн не только навязал Фрейду малоинтересную для него тему, он еще указал малознакомый психоаналитикам путь ее решения. Однако сам отец-основатель теории относительности не стал искать ответ в мутных водах «воспитания и образования», а напомнил неизбежную связку: «закон и сила неизбежно идут рука об руку». Отсюда вывод: «путь международной безопасности влечет за собой безусловное поражение в правах любой нации, ограничивая определенным образом ее свободу действий и суверенитет, и безусловно ясно, что нет иного пути, способного привести к безопасности в обсуждаемом смысле» [5].

Фрейд начал свое движение в том же русле: «термин власть я буду замещать и совмещать с более употребительным словом — *насилие*. Право и насилие для нас сегодня представляются противоположностями. Легко показать, однако, что одно развилось из другого; рассматривая вопрос с самого начала, достаточно легко прийти к решению проблемы» [5].

Тема власти и насилия настолько избита для философов XIX—XX столетия, что искать здесь какое-то новое решение, дело совершенно безнадежное. Разве могли два дилетанта в этой области тягаться с бесконечным списком титанов философской мысли, которые сделали проблему власти и насилия предметом скрупулезного исследования. Эйнштейн не был, конечно, оригинален, когда написал: «жажда ненависти и разрушения находится в самом человеке». Как с этим бороться, Эйнштейн не знает, но надеется, что Фрейд окажет «огромную услугу всем нам» и прольет «свет истины», который «озарит путь для новых и плодотворных способов действий».

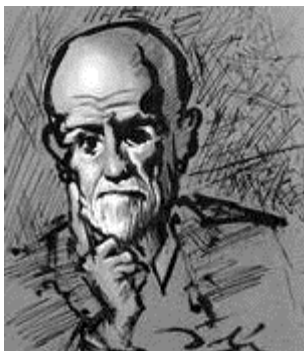
Отец-основатель психоанализа стал рассуждать в привычной для него манере: «Конфликт интересов между людьми в принципе решается посредством *насилия*... то же самое происходит и в мире *животных*... Наиболее эффективно такое завершение конфликта, при котором противник полностью выведен из строя — другими словами, убит. Эта процедура имеет два преимущества: враг не может возобновить военные действия и, во-вторых, его судьба является сдерживающим примером для остальных. Кроме того, кровопролитие удовлетворяет некоторую *инстинктивную страсть*... Однако есть аргументы и против убийства: возможность использования врага как *раба* — если дух его будет сломлен, ему можно оставить жизнь» [5].

Такова схема решения в примитивных обществах. Что могло бы предложить цивилизованное гражданское общество? Фрейд предлагает заменить «индивидуальное насилие» на «общественное». «Союз большинства должен быть прочным и стабильным, — продолжает психоаналитик. — Если это основное условие будет нарушено каким-либо *выскачкой*, то до тех пор пока *выскачка* не будет *поставлен на место*, положение вещей не будет меняться. Другой человек, замороженный превосходством его власти, пойдет по его стопам, вверая себя вере в насилие, — и цикл повторится бесконечно. Противопоставить этому порочному кругу борьбы за власть можно только постоянный союз людей, который должен быть очень хорошо организован... *Распознавание возмутителей спокойствия* среди членов группы, связанной чувствами единства и братской солидарности, лежит в основе реальной силы и эффективности общины. В этом состоит то, что представляется мне ядром решения проблемы: по мере превращения произвола насилия в силу великого объединения людей, основанного на обществе чувств, формируется общность чувств, скрепляющих членов общины сетью связей. Далее мне остается лишь шлифовать это утверждение» [5].

Вряд ли есть смысл рассматривать нам здесь «шлифованные» детали такого решения, поскольку уже ясно, что перед нами типичная *утопия*, воплощение

которой в жизнь приведет к еще более страшной несправедливости. Уместно напомнить, что сталинский и гитлеровский режимы только и занимались «распознаванием возмутителей спокойствия» и «ставили на место» немногочисленных «выскочек». *Общественное* насилие намного ужаснее *индивидуального* — не знать этого, значит, ничего не понимать в жизни общества.

Никакого универсального рецепта, подходящего на все времена и для всех народов, не существует. Чтобы успешно решать политические конфликты, надо уметь снимать *конкретные* противоречия, о которых витающие в облаках философы ничего не знают. Поэтому реальных политиков всегда будут раздражать умозрительные схемы предотвращения конфликтов заведомо утопического характера. Однако меня возмущает в обсуждаемых письмах даже не само ложное решение трудной проблемы войны и мира, а та выпяченная форма фанфаронства, проявленная двумя

знаменитостями на глазах у почтенной публики. Истинно мудрый человек воздержался бы от публичного высказывания по вопросу, в котором он ничего не смыслит. Эйнштейн и Фрейд, возомнив себя небожителями, по сути, взялись не за свое дело. Более того, они затеяли неприличную игру, лишенную гуманистического духа. Их открытые письма — это дешевая PR-акция, рекламирующая лишь самих авторов. Не видеть этого могут только наивные люди, ставящие оторванные от жизни авторитеты выше здравого смысла.

Тема пацифизма звучала на протяжении всей жизни Эйнштейна. В период Первой мировой войны большим пацифистом считался знаменитый французский писатель Ромен Роллан, которого война застала в Швейцарии. В марте 1915 года между ним и Эйнштейном завязалась переписка. В одном из писем по поводу милитаристских настроенных своих коллег Эйнштейн высказался так: «В воюющих странах даже ученые ведут себя так, словно у них восемь месяцев назад удалили головной мозг». Роллан подготовил антимилитаристский сборник «Над схваткой», после выхода которого Эйнштейн написал ему: «Из газет я узнал о смелости, с которой Вы выступили, чтобы устранить то тяжелое, что разделяет сейчас немецкий и французский народы. Это заставляет меня выразить Вам чувства моего горячего уважения. Пусть Ваш пример пробудит других людей от ослепления, которое охватило столько умов». В сентябре они встретились, после чего в дневнике Роллана появилась запись, касающаяся Эйнштейна: «Необычайно вольны его суждения о Германии, в которой он живет. Не всякий немец обладает такой свободой суждений. Другой человек страдал бы, чувствуя себя духовно изолированным в этот страшный год. Он — нет. Он смеется» [6].

Эйнштейн действительно время от времени возмущался поступками своих коллег, в частности, химиком-технологом Фрицем Габером, который разработал технологию производства отравляющих газов и был инициатором их применения в Первой мировой войне. Вместе с тем хорошо известно, что сам Эйнштейн помогал разрабатывать гироскопы для ориентировки подводных лодок и даже пытался сконструировать военный самолет (то, что из него не получился авиационный конструктор, это другой вопрос). С 1943 года и до конца Второй мировой войны Эйнштейн консультировал Бюро артиллерии ВМФ США по вопросам «взрывчатых веществ большой мощности».

В своих письмах самый известный «пацифист» часто писал друзьям, что война совершенно не волнует его, не мешает ему жить и спокойно работать. Однажды, имея в виду воюющую Европу и работающих в ней ученых, Эйнштейн цинично заметил: «Отчего бы обслуживающему персоналу ни пожить в свое удовольствие в сумасшедшем доме». Когда организацию «Союз нового отечества» закрыли за распространение антипатриотических идей, Эйнштейн не стал особенно горевать. Сколько бы не упрасивал его Георг Николаи возобновить политическую борьбу за мир, он всякий раз отказывал ему.

Почитатели Эйнштейна, например, Роберт Шульман, объясняют подобные поступки нежеланием «великого гуманиста» ходить строем. На самом же деле такое поведение Эйнштейна вызвано его крайней *беспринципностью*. Эта черта характера особенно была заметна в тех случаях, когда нужно было сделать нравственный выбор. Если Эйнштейну казалось, что его поступки останутся в тайне или, по крайней мере, будут находиться вне сферы внимания широкой публики, он легко шел на сделку со своей совестью. Отсюда, между прочим, его интимные отношения с женщинами всегда носили предательский характер. Ведь о его непрерывных изменах практически никто не знал (Эта тема раскрывается в четвертой главе [Любовницы Эйнштейна](#)).

Беспринципность накладывает свой ужасный отпечаток и на научную деятельность. Разумеется, любой исследователь способен напряженно и честно работать. В минуты творческого вдохновения человеку не приходит в голову мысль кого-то надуть. Но когда беспринципный ученый, как, например, Эйнштейн и Фрейд, находится вне творческого процесса, когда ему требуется выбрать результат исследовательской работы, проведенной другими учеными, здесь он уже не способен на честную и объективную оценку.

В течение века релятивисты и психоаналитики каждодневно слышат критику в свой адрес, однако они делают вид, будто она их не касается. С самого начала Эйнштейн и Фрейд обзывали своих оппонентов антисемитами и тупицами, которые упорно не желают признать одобренные всем миром законы бытия. Эти революционеры от науки умели заткнуть рот всякому, кто поднимал голову против них. Никогда еще в истории науки, включая период господства Святой Инквизиции, наука не находилась в столь катастрофическом положении, как сейчас.

Все, что творилось вокруг Эйнштейна и Фрейда на протяжении XX века, иначе как коллективным помешательством не назовешь. Основная черта шизотимика — скрытность. Тайна сокрытия дочери Эйнштейна — одно из доказательств наличия шизотимической психики у того, кто это сделал. Тайна «Толкований сновидений» и тайная фальсификация сочинений Йозефа Брейера тоже свидетельствует о шизофренической сущности фрейдистского феномена. Темная толпа всегда хочет увидеть сверхъестественное и она увидела его. Толпа мечтала о кристально честных супергероях, и миру явились Фрейд и Эйнштейн. Хотите чудо-психологию — получите психоанализ; хотите чудо-физику — получите теорию относительности. Чего еще изволите, шизоиды несчастные?

1. Брайен Д. Альберт Эйнштейн / Пер. с англ. Е.Г. Гендель. — Мн.: «Попурри», 2000 (EINSTEIN: A LIFE by Denis Brian. — N. Y.: John Wiley & Sons, Inc., 1996).

2. Картер П. и Хайфилд Р. Эйнштейн. Частная жизнь. — М.: «Захаров», 1998 (Paul Carter and Roger Highfield «The Private Lives of Albert Einstein», 1993).

3. Пайс А. Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна / Пер. с англ. В.И. и О.И. Марцарских / Под ред. А.А. Логанова. — М.: «Наука», 1989 (Abraham Pais «Subtle is the Lord...» The Science and the Life of Albert Einstein». — Oxford — N. Y. — Toronto — Melbourne: OXFORD UNIVERSITY PRESS, 1982).

4. Феофанов В.А., Пилат Б.В. Триумф и драма Альберта Эйнштейна. — М.: Когелет, 2001.

5. Эйнштейн и Фрейд. Зачем воевать? / Перевод и публикация А.Л. Самсонова — глав. ред. журнала «Экология и жизнь», 2005 / Why War? «Open letters» between Einstein & Freud. The New Commonwealth, №6, 1934.

6. Сноу Ч.П. Портреты и размышления / Перевод Г. Льва. — М.: «Прогресс», 1985 г., стр. 137-156.

